

Б.В. Кёне и развитие геральдической теории и практики в коронационных церемониях российских императоров второй половины XIX в.

Середина XIX в. стала одним из важнейших этапов в развитии отечественного гербоведения, формировании его как системы научного знания, что отразилось в появлении работ, связанных с изучением истории российской государственной символики¹. Этот же период отмечен масштабной реформой государственной геральдики России, которая связана в современной историографии с именем барона Бориса Васильевича (Бернгарда Карла) Кёне² (von Koehne) (4/16 июля 1817 – 5 февраля 1886).

Развитие теоретических знаний и практические наработки, выполненные Б.В. Кёне, были самым непосредственным образом востребованы в церемониалах государственной значимости – коронационных торжествах императоров. Исследователи обращают внимание на особое значение этих церемоний в Российской империи: «Пышные, подчиненные строгому ритуалу представления, требовавшие от русской монархии невероятных расходов и затрат времени, свидетельствуют о том, что русские правители и их советники считали символику и образность церемоний насущно необходимыми для осуществления власти»³.

В Российском государственном историческом архиве, в фонде канцелярии Министерства императорского двора (ф. 472) хранятся обширные комплексы делопроизводственной документации, связанные с подготовкой и проведением

¹ См. библиографию в кн.: *Наумов О.В.* Отечественная историография геральдики. – Ч. I. – М., 2003. – С. 100 и др.

² *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. – СПб., 1997. – С. 47. О Б.В. Кёне см.: [Кёне Борис Васильевич, барон: некролог] // Исторический вестник. – 1886. – № 4. – С. 261; [Орешников А.В.] Барон Борис Васильевич Кёне: некролог // Древности: Труды Московского археологического общества. – Т. 11. – Вып. 3. – М., 1887. – С. 97–98; Кёне Борис Васильевич, барон // Русский биографический словарь. – Т.: Ибак-Ключарев. – СПб., 1897. – С. 614–615; *Спасский И.Г.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета – Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. – Вып. 8. – М., 1970. – С. 152–154; *Лавренов В.И.* «Дело» о тверских гербах и Б.В. Кёне // Биография как вид исторического исследования. – Тверь, 1993. – С. 122–137; *Кошелев А.В.* Гербы городов Тобольской губернии, разработанные Б.В. Кёне // Гербовед. – 2000. – № 5 (43). – С. 37–39; *Плотников С.А.* Кёне Б.В., барон..., управляющий Гербовым отделением Департамента Герольдии Сената, археолог, нумизмат, геральдик // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. – М., 2002. – С. 313–314.

³ *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. – Т. 1. – М., 2002. – С. 18.

ем коронационных церемоний второй половины XIX в. В числе этих материалов нами был обнаружен целый ряд документов (проекты, записки, рапорты и т.д.), связанных с непосредственным участием Б.В. Кёне в подготовке коронаций 1856 и 1883 годов. Многие из них являются автографами геральдиста или имеют его подпись. Несомненно, что обширные архивные фонды требуют дальнейшего тщательного изучения и осмысления. На данном этапе обнаруженные нами документы позволяют выявить роль Б.В. Кёне в подготовке масштабных церемоний, оценить актуальность принятых решений и их соответствие представлениям эпохи.

Александр II вступил на российский престол 19 февраля 1855 г. Через полтора года, 26 августа 1856 г., в Москве, в Успенском соборе, совершилась его коронация.

Барон Борис Васильевич
(Бернгард Карл) Кёне.

1855 годом датировано дело, которое называется «По проектам надворного советника Кёне к устройству коронации»⁴. В нем содержатся «рапорты», составленные Б.В. Кёне, а также сметы на выполнение различного рода работ. Это дело имеет наибольший интерес для нашего исследования.

Первый «рапорт», датированный 25 августа 1855 г., представляет объяснительную записку, преамбулу всего проекта. Он адресован министру императорского двора графу В.Ф. Адлербергу. В тексте «рапорта» указывалось, что еще в феврале 1855 г.⁵ Б.В. Кёне получил приказание министра и в соответствии с ним «занимался исторической и археологической

частью коронации». Несомненно, что, работая уже более 10 лет в качестве «начальника» 1-го (позднее – 2-го) отделения Императорского Эрмитажа,⁶ Кёне был хорошо знаком с комплексом регалий, хранившимся в Бриллиантовой комнате Зимнего дворца, которые на время коронационных церемоний перевозились в Москву.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). – Ф. 472. – Оп. 9. – Д. 68.

⁵ Очевидно, после смерти императора Николая I 18 февраля 1855 г.

⁶ Русский биографический словарь. – С. 614.

Выполняя поручение министра императорского двора, Б.В. Кёне посетил Москву, где осмотрел находившиеся в кремлевских хранилищах регалии, балдахины для коронации, а также сами «места, где совершаются торжества»⁷. Такая практика предварительного осмотра вещей для коронации была традиционной еще с XVIII в.

Результатом этой командировки, а также одновременного изучения исторических материалов, стало то, что к 25 августа 1855 г. Б.В. Кёне составил 25 «ученых рапортов», к которым были приложены 65 рисунков, выполненных художниками А.А. Фадеевым и А.И. Шарлеманем⁸.

Изучение материалов предыдущей коронации императора Николая I в 1826 г. позволило Б.В. Кёне сделать вывод о том, что она «устроена была наскоро и что гербы, балдахины, наряды и проч[ее] были сделаны с большими ошибками»⁹. Так, он указывал на балдахин, несомый над императором, оформленный с использованием серебряной парчи, хотя государственный герб предполагал, что орел «должен быть на золотом поле»¹⁰. Мы можем привести еще один пример игнорирования геральдических правил создателями церемонии коронации 1826 г.: в коронационном альбоме – официальном издании, выполненном по окончании торжеств – на странице 8 помещен рисунок с изображениями императорских регалий. В центре его представлено государственное знамя. Гербы на полотнище пронумерованы и ниже приведен их список. Однако нумерация гербов не соответствовала ни правилам, принятым в геральдике, ни порядку, по которому они перечислялись в императорском титуле. Кроме того, герб «№ 24» (расположенный в нижней части полотнища) определен как «московский» – очевидно, авторы рисунка приняли за него изображение святого Георгия, соответствующее гербу Грузии¹¹.

Основной задачей своей работы Б.В. Кёне считал сделать церемонию «торжеством народным самым блестящим, когда-либо бывавшим в России», оформленным «в чистом русском духе, каким он был до нашествия монголов»¹². Он полагал, что все выполненные проекты, в которых представлены предметы для оформления коронационных торжеств, «имеют значение историческое».

⁷ РГИА. – Ф. 472. – Оп. 9. – Д. 68. – Л. 6.

⁸ В настоящее время часть рисунков опубликована, см.: Дуров В.А., Дуров Д.В. Российская государственная символика XVIII – начало XX века. – М., 2003; Геральдика России: XVIII – начало XX века: альбом. – СПб., 2003.

⁹ РГИА. – Ф. 472. – Оп. 9. – Д. 68. – Л. 7 об.

¹⁰ Там же. – Л. 24.

¹¹ *Vues des ceremonies les plus interessantes du couronnement de Leurs Majestes Imperiales I, Empereur, Nicolas I-er et I, Imperatrice Alexandra à Moscou...* – Франция, Париж, 1828. Литография Энгельмана. Литограф М. Куртен, художник В.В. Адам.

¹² РГИА. – Ф. 472. – Оп. 9. – Д. 68. – Л. 7 об.

Другой задачей стала максимальная экономия средств, для чего намечалось использовать шитье и серебряные украшения «штамповой работы», что потребовало бы «самых незначительных расходов». Б.В. Кёне был уверен, что не потребуются дальнейших переделок созданного под его руководством, все будет «сохраняться в течение многих веков»,¹³ а шитье и серебряные украшения можно для сохранения снимать и хранить отдельно.

«Репорты» Б.В. Кёне посвящены широкому кругу знаковых предметов, использовавшихся в коронационных торжествах. В центре его внимания оказались главные персоны коронации: император и императрица, их короны, костюмы, престолы (троны) и балдахины. Основанием для проектов стало изучение традиций российских церемоний, однако выводы историка были нередко неожиданными. Так, например, при описании костюма императрицы, указывалось: «Известно, что русские царицы как при коронациях, так и при других торжествах, имели разные уборы, украшенные государственным гербом». Проекты костюмов предусматривали множество аксессуаров с изображением государственного герба. В костюме императрицы, например, это были черепаховый гребень, серьги, булавка, пряжки. Последние были предложены также «на основании древнего обычая русских цариц»¹⁴.

Для использования в коронации древних тронов, хранившихся в Оружейной палате, предлагались только «косметические» меры: необходимо было перезолотить орлов и заменить ткани подушек тронов¹⁵. Однако для торжественных церемоний в залах построенного в 1848 г. Большого Кремлевского дворца, где впервые проходила коронация, предусматривалось изготовление новых тронных кресел «в русско-византийском вкусе».

Пристальное внимание Б.В. Кёне уделил используемым в коронации балдахинам. Особое значение имел потолок балдахина («небо») – плоскость, которая осеняла шествующую под балдахином персону и была видима окружающим. Б.В. Кёне дал подробное описание государственного герба, которым предполагалось украшать балдахин, несомый над императором – на нем должен быть изображен «государственный герб с шлемом св[ятого] благоверного князя Александра Невского, щитодержателями – святыми архангелами Михаилом и Гавриилом, павильоном и хоругвью. Вне щита этого герба располагалось девять других главных российских гербов, т.е. казанский, астраханский, польский, сибирский, херсониско-таврический, грузинский, великих княжеств – киевского, владимирского и новгородского, великого княжества финляндского

¹³ Там же. – Л. 8. Б.В. Кёне указывал, что «старые балдахины обыкновенно выжигают, чтобы полученную сумму употребить для сделания новых балдахинов».

¹⁴ Там же. – Л. 20–20 об.

¹⁵ Там же. – Л. 22–22 об.

и родового Его Императорского Величества герба. По углам потолка вышит вензель Его Императорского Величества, увенчанный короною и окруженный орденскою цепью ордена св[ятого] апостола Андрея Первозванного»¹⁶. Данное описание соответствует изображениям на рисунках Большого и Среднего государственного герба Российской империи, датированных 1857 г.

Одним из новых проектов Б.В. Кёне стало создание целой группы вексиллологических знаков, в которую предполагалось включить государственный стяг, штандарты и флаги с живописным изображениями соответствующих гербов «красками, не повреждаемыми сыростью», а также знамена для украшения императорского места во время народного праздника на Девичьем поле¹⁷. В числе вексиллологических символов предполагалось создание Государственной хоругви. Он отмечал, что этот проект выполнен «по Высочайшему повелению». В основе своей идеи Б.В. Кёне, как историк-профессионал, воспитанный на традициях немецкой исторической школы XIX в., видел «древнее государственное знамя, бывшее при Дмитрии Донском во время битвы на Куликовом поле, черное с изображением образа Нерукотворенного Спаса» – «таким представлено оно под одним из хранящихся в Москве портретов царя Федора Алексеевича». Далее он делал справедливое замечание: «Со времен Петра Великого знамя это не было более в употреблении». Возможно, стремление возродить древние памятники привело его к идее создания некоего смешивания: «... Не угодно ли будет Его Императорскому Величеству, чтоб на одной стороне Государственной хоругви было это древнее изображение, а на другой – государственный герб»¹⁸.

Специальные рапорты и соответствующие рисунки были разработаны для Государственной печати и печати императрицы Марии Александровны.

Предлагалось также изготовить Государственный щит, который повторял круглую форму щита, который, как указывалось, участвовал в церемониях XVIII в., однако теперь должен быть сделан с украшениями «богатой штампованной работы из черного серебра с золочением и финифтью»¹⁹.

Проекты предполагали также создание костюмов для различных действующих лиц церемонии. По замыслу Б.В. Кёне регламентировались костюмы придворных. Специальные орденские костюмы были задуманы для кавалеров российских орденов святого Андрея Первозванного, святого Александра Невского и святой Екатерины. Проекты костюмов, предложенные Б.В. Кёне, по его мнению, восстанавливали установления основателей орденов: «По всем дан-

¹⁶ Там же. – Л. 25.

¹⁷ Там же. – Л. 100, 101.

¹⁸ Там же. – Л. 8 об.

¹⁹ Там же. – Л. 100.

ным во времена Петра Великого мантия (епанча) кавалеров ордена св[ятого] апостола Андрея Первозванного была голубого цвета, который император Павел I заменил зеленым. В первом статуте ордена св[ятой] великомученицы Екатерины сказано также: дамы этого ордена Большого креста носят в торжественных случаях орденскую цепь»²⁰.

Были предложены также костюмы для герольдов императорских и царских орденов и «гербового герольда Российского государства». Проект Б.В. Кёне предусматривал, кроме этого, участие в церемониале рынд и подрынд; таким образом, видимо, предполагалось возродить почетное звание оруженосцев и телохранителей царского двора. Одновременно предлагались костюмы для пажей.

Планировалось также обновить интерьеры кремлевских залов, в которых будут проходить торжества: новых – Андреевского и Александровского, и древней Грановитой палаты. Интерьер последней был оформлен специальными щитами с гербами еще в 1742 г., к коронации императрицы Елизаветы Петровны. Однако эти «геральдические украшения», по мнению Б.В. Кёне, «исполнены неправильностей, и дурный стиль их с щитами итальянской формы в явном разногласии с прекрасною народною архитектурою»²¹.

Проект, составленный и оформленный Б.В. Кёне, был масштабным; осуществление его предложений изменяло не только образ коронационного церемониала, но включало специальные церемонии для новых действующих лиц.

Б.В. Кёне указывал, что осуществление проектов потребует довольно значительного времени и сил: только 20 «золотошвеев» должны работать 6 месяцев, столько же потребовало бы завершение всех других работ²². Уже в октябре – ноябре 1855 г. представили сметы на предполагаемые работы. Автором расчетов являлся «Императорской Академии художник А. Фадеев». Он указывал, что сметы были также подготовлены «по приказанию господина министра императорского двора»²³. А.А. Фадеев обязывался стать исполнителем всех работ: «Занимаюсь восемь лет почти исключительно геральдическими работами всякого рода, и у меня занимаются люди в заведении, знающие свое дело и привыкшие уже под моим надзором к подобным работам»²⁴.

Манифест о коронации, назначивший ее дату, император Александр II обнародовал только 17 апреля 1856 г., в день своего 38-летия, уже после завершения Крымской войны и заключения мира (18 марта). Однако еще 16 февраля 1856 г. министр императорского двора граф В.Ф. Адлерберг сообщил в Москву

²⁰ Там же. – Л. 9.

²¹ Там же. – Л. 82 об.

²² Там же. – Л. 9 об.

²³ Там же. – Л. 100.

²⁴ Там же. – Л. 102.

помощнику директора Оружейной палаты гофмейстеру князю С.Я. Грузинскому, что специальной комиссии по коронации решено не создавать, а все задачи подготовки коронации возложены на Министерство императорского двора под наблюдением министра²⁵. Одновременно была направлена записка в Московскую дворцовую контору²⁶ с распоряжениями, которые необходимо было выполнить в кратчайшие сроки, без дополнительных согласований с обер-гофмаршалом, а также сметы, представленные художником А.А. Фадеевым²⁷.

В «Записке о распоряжениях, подлежащих к исполнению Московской дворцовой конторе по предстоящему коронованию Его Императорского Величества»²⁸ содержался подробный перечень мероприятий по подготовке необходимых в церемонии коронации предметов. Очевидно, уже к тому времени проектные рисунки были Высочайше утверждены, а 21 февраля последовало особое распоряжение художнику А.А. Фадееву о командировке в Москву²⁹.

Работы в Москве предполагались грандиозные по масштабу. Парадные залы Большого Кремлевского дворца – резиденции русских государей, храма монархии – имели строго определенное ритуальное значение. Центральным залом коронационных торжеств должен был стать Андреевский зал, украшенный 48 щитами с гербами российских губерний. Однако предполагалось заменить их «гербами тех владений, кои упоминаются в императорском титуле по прилагаемому расписанию, четыре щита противу трона заменить тремя большими вензелевыми изображениями императора Петра I-го, Павла I и Николая Павловича, а на противоположной стороне стены четыре щита также заменить тремя с изображением на среднем государственного герба, а на двух боковых знаков Андреевского ордена, в большом виде»³⁰. Таким образом, для размещения над окнами в Грановитой палате гербы, входящие в состав государственного, были скомпонованы в 16 круглых щитах.

Российские гербы украсили также другие залы нового Большого Кремлевского дворца: 16 гербовых щитов, составивших вместе Большой государственный герб, были расположены в Александровском зале³¹. В самом большом из залов дворца – Георгиевском – на щитах статуи богини Победы, венчающих столбы-устои, гербовые щиты располагались таким образом, что воссоздава-

²⁵ РГИА. – Ф. 472. – Оп. 9. – Д. 69. – Л. 20.

²⁶ Московская дворцовая контора была учреждена в 1831 г. и функционировала в составе Министерства императорского двора.

²⁷ Там же. – Л. 20 об.

²⁸ Там же. – Л. 21.

²⁹ Там же. – Л. 34.

³⁰ Там же. – Л. 23 об.

³¹ Там же. – Л. 97.

лась очередность вхождения в состав России разных территорий³². Таким образом, в интерьерах Большого Кремлевского дворца, в этом государственном по смыслу сооружении и его интерьере, олицетворялась Россия и ее история.

Особое место в переписке Министерства императорского двора и Московской дворцовой конторы как исполнителя работ по подготовке кремлевских помещений к коронации занимали вопросы экономного размещения средств. В качестве задачи для гофмейстера князя С.Я. Грузинского было указано: через рачительное хозяйствование или посредством торгов уменьшить указанные в смете художника А.А. Фадеева суммы. Гофмейстер уже 22 февраля информировал, что к изготовлению парчовых тканей к коронации были привлечены «известнейшие в Москве фабриканты» Сапожниковы и объяснял, чем обусловлены цены и сроки выполнения заказа. Решение министра В.Ф. Адлерберга последовало уже 25 февраля: «Высочайше повелено: сделать ткани с орлами [ткаными. М.Г.] 100 аршин, по объявленной [...] Сапожниковой цене по 75 руб[лей] за аршин. На недостающее до 600 аршин количество употребить грань с штампованными орлами ценою по 7 руб[лей] за аршин, и это количество грани поместить в местах менее видных»³³.

Очевидно, что чиновники Московской дворцовой конторы, поставленные перед задачей создания предметов, которые должны соответствовать представленным рисункам и сохраниться на длительное время, испытывали затруднения в исполнении. Б.В. Кёне и А.А. Фадеева упрекали в неполных распоряжениях: «Рисунки по коронации составлялись г[осподином] Кёне и исполнены под его руководством художником Фадеевым без мачтабы, профилей и планов»,³⁴ а «значительнейшая часть предметов, которые должны остаться на местах на будущее время, не могли бы там оставаться, потому что многие из них сделаны для одной только декорации, как временные»³⁵. Уже в середине марта Б.В. Кёне отправился в Москву, предварительно попросив приготовить для его осмотра образцы шитья, рисунки живописных и серебряных орлов для оформления Андреевского зала и Грановитой палаты, образцы кокард, кистей и других украшений, подробные рисунки жезла и меча для герольдов³⁶.

Часть работ для коронации выполнялась в Петербурге. Так, 8 марта 1856 г. был Высочайше утвержден рисунок Государственного знамени, выполненный

³² Кириченко Е.И. О двух концепциях императорской резиденции: Зимний дворец в Петербурге после пожара 1837 г. и Большой Кремлевский дворец в Москве // Царские и императорские дворцы. Старая Москва. – М., 1997. – С. 50.

³³ РГИА. – Ф. 472. – Оп. 9. – Д. 69. – Л. 35.

³⁴ Там же. – Л. 65.

³⁵ Там же. – Л. 53.

³⁶ Там же. – Л. 56.

А.А. Фадеевым, а министр В.Ф. Адлерберг утвердил ему смету на изготовление. Итоговая сумма по смете составила 2755 рублей серебром³⁷. А.А. Фадеев и Лихачев выполняли образцы шитья для коронационных предметов³⁸. Пришлось, изменив первоначальные планы, изготовить и орлов для украшения древних тронов Оружейной палаты – их выполнили на Санкт-Петербургском гальванопластическом заведении инженера-технолога Ганриэ³⁹.

Работы, исполненные под руководством Б.В. Кёне, получали нередко резолюцию министра двора: «Исполнено отлично»⁴⁰. То, что они были высоко оценены, подтверждает и тот факт, что уже после окончания коронационных торжеств подготовленные рисунки государственного герба оказались утверждены императором, а также то, что он получил повышение в чине – в декабре 1856 г. документы подписывал уже как коллежский советник.

Следующий проект Б.В. Кёне связан с заботами о сохранении исполненных для коронации предметов. Делопроизводственные документы «О вещах, изготовленных к коронации и сохранившихся на будущее время»,⁴¹ выделены в отдельное дело канцелярии Министерства императорского двора. Эти работы также утверждались министром двора В.Ф. Адлербергом.

Б.В. Кёне предложил рисунки витрин и шкафов, в которых должны храниться коронационные предметы. Проекты были согласованы с директором Оружейной палаты А.Ф. Вельтманом. Однако Б.В. Кёне сделал предварительное замечание, что «означенные шкафы не будут соответствовать прочей мебели в Оружейной палате ни по стилю, ни по исполнению и, по моему мнению, драгоценнейшие исторические предметы, которые мы имеем, а регалии и одежды при короновании наших государей, должны быть сохранены более достойным образом, тем более, что они выставлены в отдельной зале, которая, по этому, должна бы была отличаться от прочих более богатою мебелью»⁴².

В докладной записке А.Ф. Вельмана разъяснялось, что Государственное знамя предполагалось разместить «как и прежде, посреди Тронной залы, на тумбе над круглым столом. При знамени Государственный меч и щит». Однако для хранения коронационных костюмов и мантий планировалось сделать не шкафы, а специальные столы-витрины со стеклянными откидными «чехлами» для удобства осмотра посетителями и предохранения от моли. Троны также должны быть защищены стеклянными витринами. Специальные крепежи пре-

³⁷ Там же. – Л. 60.

³⁸ Там же. – Л. 198 об.

³⁹ Там же. – Л. 210 об.

⁴⁰ Там же. – Л. 189.

⁴¹ Там же. – Д. 106.

⁴² Там же. – Л. 13 об.

дусматривались для хранения балдахинов⁴³. Общая сумма утвержденного проекта составила 659930 рублей⁴⁴.

Все же, несмотря на заботы о бережном хранении, часть предметов к следующей коронации пришлось переделать.

Коронация императора Александра III проходила 15 мая 1883 г. Официальная Коронационная комиссия была создана еще 22 апреля 1882 г., а 24 января 1883 г. ее преобразовали в особое учреждение, действовавшее до 12 августа 1883 г.⁴⁵ Изготовление, доставка в Москву всех императорских регалий возлагалась на Камеральное отделение Министерства императорского двора. В Москве общее заведывание коронационными предметами было поручено хранителю Московской Оружейной палаты.

Но уже 22 сентября 1881 г. для осмотра коронационных вещей в Москву был командирован управляющий Гербовым отделением тайный советник Б.В. Кёне⁴⁶. Первоначально руководство над производством всех художественно-декоративных работ по коронации было возложено на художника Департамента Герольдии коллежского асессора А.А. Фадеева⁴⁷.

30 сентября 1881 г. ведомость на исправление и заказ коронационных предметов с ценами и приблизительными сроками выполнения была подготовлена и представлена в Московскую дворцовую контору директором Оружейной палаты. Особой заботы потребовала подготовка к коронации нового государственного знамени, поскольку «на основании протокола ревизионной комиссии и предложения г[осподина] и[справляющего] д[олжность] президента Дворцовой конторы от 7 апреля 1881 года, за № 72, сделана сия отметка: золотой глазет осыпался и порвался, бахрома обилась, на ленте серебряные золоченые орлы поломались»⁴⁸. Первоначально предполагалось «исправить материю и живопись; бушматы, по исправлению, те же. Ленту на знамени вычистить»⁴⁹.

⁴³ Там же. – Л. 15–16.

⁴⁴ Там же. – Л. 19.

⁴⁵ Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III (1885–1894). – Ч. 1. – СПб., 1901. – С. 250.

⁴⁶ Отдел рукописных, печатных и графических фондов Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». – Ф. 1. – Д. 81. – Л. 197.

⁴⁷ Там же. – Л. 228.

⁴⁸ Опись Московской Оружейной палаты. – Ч. 1: Царская образная. Древний царский чин и принадлежности священного коронования. Украшения древних царских одежд и различные вещи. – М., 1884. – С. 26.

⁴⁹ Отдел рукописных, печатных и графических фондов Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». – Ф. 1. – Д. 81. – Л. 198, 200.

Видимо, уже в Петербурге было принято решение выполнить новое знамя. В связи с этим 7 октября 1881 г. из Московской дворцовой конторы директору Московской Оружейной палаты поступила просьба предоставить для высылки в Петербург Высочайше утвержденные рисунки коронационных вещей⁵⁰. Однако на письме в качестве ответа директора Московской Оружейной палаты отмечено, что «таковых рисунков в ней никогда не хранилось»⁵¹ – как мы знаем, государственное знамя было выполнено в Петербурге. 19 июня 1882 г. последовало новое обращение директору Оружейной палаты с просьбой поручить художнику Струкову снять рисунки с государственного знамени и точные его размеры⁵². Телеграмма от 21 июня отменила просьбу: в Петербурге нашелся необходимый рисунок⁵³.

К этому времени произошли изменения в рисунке Большого государственного герба Российской империи, которые были связаны с включением в его состав герба Туркестана. 24 июля 1882 г. император Александр III в Петергофе утвердил рисунок Большого герба Российской империи, выполненный под руководством Б.В. Кёне художником А.И. Шарлеманем. Очевидно, в связи с этими изменениями 26 июля 1882 г. Б.В. Кёне направил в коронационную комиссию записку «О государственном знамени»,⁵⁴ в которой он предлагал изготовить новое государственное знамя, рекомендуя исполнителем работ художника Императорской Академии художеств, надворного советника П.И. Балашова. Придавая большое значение знамени как регалии российских императоров, в августе 1882 г. Б.В. Кёне направил министру императорского двора графу И.И. Воронцову-Дашкову специальный рапорт. В нем он обосновывал необходимость изготовления нового знамени, выдвигая на первый план казавшееся ему наиболее важным, теоретическое и геральдическое обоснование изображений на государственном знамени: «Знамя империи не имеет военного значения, а представляет герб царствующего императора, так как герб империи есть вместе с тем и герб государя императора. По геральдике, рыцарь имеет на щите или несет знамя с изображением фигур, составляющих его герб, следовательно, на государственном знамени должен быть изображен полный герб империи, составляющий герб царствующего государя императора»⁵⁵. Кроме изменений, связанных с государственным знаменем, в рапорте указывалось также на необходимость поместить герб Туркестана в Андреевском зале

⁵⁰ Там же. – Л. 214.

⁵¹ Там же. – Л. 215.

⁵² Там же. – Л. 241.

⁵³ Там же.

⁵⁴ РГИА. – Ф. 472. – Оп. 64. – Д. 38. – Л. 2.

⁵⁵ Там же. – Л. 3.

Большого Кремлевского дворца и сделать перемещения некоторых титульных гербов в соответствии с официально утвержденным еще в 1857 г. рисунком.

13 октября 1882 г., по просьбе Коронационной комиссии, в Петербург для изготовления нового знамени было отправлено наверхшие знамени 1856 г. и текст подробного описания⁵⁶.

Нужно отметить, что документы, связанные с изготовлением нового государственного знамени впервые были выделены в специальное дело «Об изготовлении государственного знамени ко времени коронавания»⁵⁷.

В октябре 1882 г. Б.В. Кёне направил в Коронационную комиссию специальную записку с технологическими рекомендациями, которые учитывали допущенные в 1856 г. ошибки, приведшие к неудовлетворительному состоянию государственного знамени: он советовал использовать шелковую ткань для полотнища, легкую шелковую бахрому, шелковые шнуры и кисти – с тем, чтобы не увеличивать его вес. Особую заботу составляло изображение герба на полотнище, в связи с чем он сделал предложение: «На верхнем крае знамени можно укрепить легкую пружинку, дабы знамя было видно развернутым».

Изображения герба на полотнище знамени были выполнены с обеих сторон зеркально, поскольку «по правилам геральдики, все фигуры на знаменах должны быть обращены к древку»⁵⁸. Это заключение Б.В. Кёне повторялось в уведомлении распорядительного отделения Коронационной комиссии о поручении художнику П.И. Балашову выполнить рисунок на ткани полотнища⁵⁹. Полотнище нового государственного знамени было выполнено не из глазета, на котором плохо держались краски, а из специально выполненной на фабрике Сапожниковых шелковой, золотисто-желтой, двухсторонней ткани. Наверхшие государственного знамени по рисунку П.И. Балашова, утвержденному Б.В. Кёне, выполнила фирма И.П. Хлебникова⁶⁰. В общую сумму затрат на изготовление знамени вошла оплата за древко, выполненное в Петербурге мебельным мастером Бюхтгером. По предварительным расчетам, стоимость государственного знамени должна была составить 3536 рублей 80 копеек. Итоговая сумма, выплаченная за изготовление государственного знамени, была значительно больше – 5019 рублей⁶¹.

⁵⁶ Отдел рукописных, печатных и графических фондов Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». – Ф. 1. – Д. 81. – Л. 293, 294, 298, 385.

⁵⁷ РГИА. – Ф. 472. – Оп. 64. – Д. 38.

⁵⁸ Там же. – Л. 10.

⁵⁹ Там же. – Л. 12.

⁶⁰ Там же. – Л. 35.

⁶¹ Обзор деятельности Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронавания Их Императорских Величеств в 1896 году. – Т. 4. – СПб., б.г. – С. 322.

Следует отметить неудовлетворительную сохранность полотнища знамени к настоящему времени. Краски, которыми выполнены изображения, пропитали ткань с двух сторон и сделали ее жесткой и ломкой. С этим связаны не только разрывы и заломы, но и значительные утраты фрагментов ткани.

В связи с плохой сохранностью полотнища уже ко времени следующей коронации императора Николая II в 1896 г., по докладу министра императорского двора, 4 мая 1895 г. по поводу государственного знамени было сделано распоряжение изготовить его вновь, «по рисунку государственного знамени 1883 года, с исполнением рисунка тканым, а не написанным красками». Для оформления коронации императора Николая II традиционно привлекались лучшие художественные силы России и самые знаменитые фирмы. Так, полотнище государственного знамени и перевязи традиционно выполнялись фабрикой А. и В. Сапожниковых. Применение новейших технологий ткацкого производства позволило выполнить полотнище с безупречным по точности воспроизведения рисунком российского герба, разноцветными шелками по фону из золотого глазета. Великолепное серебряное золоченое навершие в виде шара-державы с двуглавым орлом было изготовлено в мастерской лучшего серебряника фирмы Фаберже Ю.А. Раппопорта, андреевские ленты к знамени вышиты в Московском Новодевичьем монастыре. Древко и подпорки были вновь изготовлены фирмой Бюхтгера.

Таким образом, в создании нового государственного знамени к коронации 1896 г. сохранились традиции, заложенные Б.В. Кёне еще в середине XIX в. Изученные нами архивные материалы позволили выявить не только целый ряд документов, связанных с непосредственным его участием в подготовке коронационных торжеств, но также проследить развитие теоретических взглядов на создание «образа власти» российских императоров. Замысел Б.В. Кёне, воплощенный в его проекте 1855 г., конструировал его собственное видение церемонии. Несомненно, что будучи осуществленным, проект Б.В. Кёне представил бы удивительную смесь, в которой переплелись российская и европейская традиции: император в бармах, кавалеры орденов, герольды, рынды и пажи... Однако этот проект является историческим свидетельством, в котором запечатлены культурные смыслы своего времени. В нем содержится отпечаток представлений, убеждений и идеалов создателя, отражающий его индивидуальные взгляды и, одновременно, культуру эпохи.

Целый ряд проектов, разработанных Б.В. Кёне, был осуществлен уже после смерти их создателя. Его идеи стали одной из составных частей знаковой системы российских государственных церемониалов и формировали образ власти второй половины XIX в.